

ОДНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

БОРИС ЛЕЙБОВ
Родился в 1983 году.
Окончил факультет социологии The University of Glasgow, Высшие курсы сценаристов и режиссеров (сценарная мастер-

ская Олега Дормана и Людмилы Голубниной).
Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Иерусалимский журнал», «Нрещатин». Живет в Москве и Тель-Авиве.

Поворот на город Шуйск Сажин проспал. В дороге он листал дело, интуитивно выбирая значимые показания и запоминая размер ущерба в численном выражении. Утомленный кражей, такой же скучной, как и город, в котором она произошла и в который его незаслуженно послали, он прильнул виском к стеклу, и мельтешение леса увлекло его в сон раньше, чем он успел вздохнуть о своем незавидном положении. Ему снился бассейн: двадцать пять метров на десять, с пятью душевыми кабинами и двумя парными. Он плыл по пустой дорожке и возмущался: «Как же не построили? Вот же он! Запах хлора. Вода». Колесо угодило в очередную яму, голова качнулась, Сажин вздрогнул, проснулся и потер переносицу. Бассейна не было, зато был Шуйск в конце проселочной дороги, изрытой, разбитой и местами затопленной.

– Останови, – сказал Сажин и вышел, как только машина встала у обочины.

Второй автомобиль, следовавший за Сажиним, поравнялся с ним и тоже замер. На следователя вопросительно смотрел помощник.

– Поезжай вперед, Паша. Устройся. Я скоро догоню.

Сажин махнул в сторону города, после чего заложил за спину руки, сгорбился и, похожий на шахматного коня, сам отправился по направлению к Шуйску.

Следователь ступал осторожным, мелким шагом, огибая лужицы, обходя грязь. Его водитель тихо ка-

тился следом на почтительном расстоянии. «Должно же быть объяснение тому унынию, что наводят глухие периферийные городки, – гадал Сажин. – Может, избыток пространства?»

Из-за дерева выглянула стела с медной рыбкой в наверхии. Сажин сощурился перед табличкой: «Знаменитый Рюминский Карась». Он горько улыбнулся, чем усугубил и без того глубокие борозды морщин на вислых щеках. Немало ему довелось перевидать таких вот мест, с чепуховыми памятниками и одинаковыми преступлениями. Все на одно лицо эти единоутробные райцентры. В город всегда ведет рыхлая дорога. Она редко бывает прямой и петляет через просеки каких-нибудь гадких топей. В просвете между этими деревьями-часовыми обязательно мелькает одно и то же поле, некогда хлебное, а ныне безработное. А в точке, где обрывается поле со ржавыми лопухами, начинается водоем. У каждого такого города есть выхолощенная набережная, протянутая вдоль поймы. Она покрыта брусчаткой, как протертые обои цветным ковром. Перед Сажиним встал указатель: «Озеро Рюминское». Белая стрелка направляла в сторону придорожного забора из борщевики, за которым не было видно ничего. За нижнюю раму знака уцепился поползень. Он висел головой вниз и вопросительно тянул шею в сторону Сажина. Следователь замер. Его беспокоило жгучее покалывание в правом боку,

которое отдавалось по всей брюшной полости, когда он ступал на левую ногу. Он прислушался к себе и подслушанным остался недоволен. Желтая рука, высвобожденная из перчатки зубами, потянулась к птице. Ему внезапно и остро захотелось почесать ее пушистое брюшко, все в нежных белых перьях.

– Лучше через поселок. Навигатор ведет. – Водитель испугнул птичку, и Сажин посмотрел на него с нескрываемой ненавистью.

Тот растерялся, пожалел и отвел глаза. Сажин плюнул, еще немного для пущей неловкости побуравил несчастного и двинулся дальше.

– Прогулка – это для вас полезно. – Водитель катился рядом как привязанный и старался исправить свою безвыходную позицию. – Это вы молодец!

Сажин его не слушал. Ему ли было не знать, что похвала дурака обидней критики умного. Он смотрел на бревенчатый теремок охранника и гадал, насколько точно он знает наперед, что увидит внутри. А внутри должны быть круглые настенные часы с фотографией молодой Натальи Петровны, датированной ее первым сроком, календарик за позапрошлый год, иконки божьих матерей и лента с мертвыми мухами, приклеенная к наддверной подковке. Сажин вошел без стука. Обстановку он почти угадал. Недоставало липкой ленты.

– Вы к кому?

Охранник отложила вязанье, убрала за уши нemyтые волосы и встала, опираясь правой рукой о ручку кресла.левой она принялась тереть поясницу и посмотрела не на Сажина, а сквозь него, словно он пустое место.

– Вы к кому? – повторила она.

– Я Сажин. Дознаватель из Москвы. – И, убедившись в том, что его не слушают, попросил прямо и несколько громче: – Откройте, пожалуйста, ворота. Нам через поселок быстрее будет.

– Быстрее... быстрее... – Охранник заворчала и направилась к коробке с круглой зеленой кнопкой. – Занятые такие...

Домовладения прочих шуточных воров, сложенные в духе «горная европейская деревенька», стояли смущенные, потупив козырьки, в тени старшей своей сестры – дворца главы города Иды Игнатьевны. Сажин попросил проехать мимо имения на тихом ходу. Они катились, а здание все не заканчивалось. Дом подследственной был немногим скромнее Эрмитажа, но выполнен в индустриальном ключе, а попросту – из ворованного рыжего кирпича, используемого в социальном строительстве.

«И сколько во дворце бассейнов, школ и больниц?» – улыбался Сажин. Он рисовал в уме портрет Иды Игнатьевны и думал наперед, на какие болевые точки будет нажимать, чтобы размер взятки превысил дотацию на бассейн настолько, насколько он пострадал в этой поездке. Беспокойство желудка, головокружение, раздражительность и разочарование устройством страны в целом взвалются на покатые плечи Иды Игнатьевны. «Еще как сваляться», – решил Сажин и попросил доставить его в гостиницу поскорее.

Глава города представлялась ему дородной женщиной с окрашенной белой головой и густыми черными бровями. В его воображении она питает слабость к пережаренной пище, сальным ласкам и тому, что понимает как роскошь. Внутренности ее дома он за глаза охарактеризовал как пластмассовое рококо, свойственное многим его бывшим подследственным. Остальное он знал из бумаг: шестьдесят лет, трое сыновей, образование высшее, педагогическое. Но самое интересное в папке отсутствовало. Самое интересное обнаруживалось в отсутствии женщин-телохранителей. «А охранники под стенами – сплошное мужичье! Вот она, прибыль! – понимал Сажин. – Она старорежимница!» Он вернет в комитет не две трети, как водится, а все. Он вернет весь бассейн и вернет расположение, которое оградит его впредь от Шуйских, Рюминых, карасей и тому подобных. В пожилой голове следователя, пусть и со скрежетом, завращались шестеренки. Сперва малые, затем покрупнее, и вот уже проворачивались скрипучие лопасти. Работал стройный следственный механизм. Сажин просчитывал безошибочное попадание. Он выстраивал порядок нападающих глаголов, прицениваясь к тяжелым паузам, примеряя угрожающее выражение лица. Ни малейшего шанса на пат он ей не оставит. И когда фундамент атаки был возведен, он внезапно, но отчетливо понял, что занимает свое место не зря и никакого самозванства в его былых заслугах не было. Да, он – Сажин – замечательный следователь по особо важным делам. И да, Иде Игнатьевне недешево обойдется его унижение, эта командировка, это краткосрочное изгнание.

Водитель остановился у постоянного двора. «Бог ты мой», – вздохнул следователь и добавил еще немного к взятке, которую вознамерился получить. Гостиница была неприятно до неприличия. Окна первого коренного этажа зарывались в землю, всем видом крича: «Мы старинные». Но были они просто старыми. «Как же там должно быть сыро». И Сажин втянул голову в плечи. Второй этаж был

деревянным, с гнильцой в непрокрашенных досках. Поверх, как скошенную набекрень кепку, нацепили мансарду, обшитую металлическим листом, некогда зеленым. Здание походило на хрестоматийный подберезовик из справочника, склизкий, с приставшей к шляпке травинкой. Над козырьком веселой дугой растянулось название из желтых объемных букв: «Рюминский дворик». «Бог ты мой», – второй раз подряд огорчился Сажин. Под вывеской на мысках покачивался Паша в сером кашемировом пальто и в соцветных лайковых перчатках. Секретарь держал лицо сочувствующее и понимающее. Он принял папку и портфель и повел Сажина в номер.

Все поверхности были застланы коврами. Все полы, каждая ступень, весь лестничный марш. Следователь и пошаркал бы, плетясь уставшим с дороги, но шаги были беззвучны. Пролет пестрил натюрмортами с карасем в окружении картофеля и пивных бокалов. Сажин уставился на Пашины каблукки, на квадратные вмятины, оставляемые ими в красном ковровине.

– Паша. – Сажин остановился. – Давай лучше сразу пообедаем, а в номер пойдем, когда стемнеет.

Паша понимающе замигал.

Пока спускались в «Золотой карась», Сажин думал о жене. Вернее, обо всем своем мире, связанном с нею. Они и виделись вот только что, утром, но близость вечера и пустого номера размывали восприятие времени, и Сажин скучал по ней, как скучает моряк или узник. Он затосковал по их зеркальному дому в Колобовском переулке. По тому, как прохожие останавливаются и поправляют шапки, отряхивают воротники, глядя в его окна, и не подозревают о том, что он смотрит в ответ и в упор. Он загрустил по всему домашнему. По дурному соседу из управления, который пьяным разболтал, что мочится по-прежнему стоя, плевав на постановление. Ему захотелось в свой кабинет, в котором отродясь не работал, а только ночевал. Сажин вздохнул по черному постельному белью, по грубым бетонным стенам, по зеркальному окну. Но главное, по чему скучало его сердце, была дружочек. По ней он говорил больше всего. По тридцати прожитым годам. По ее близоруким привычкам. По ее рассеянности. По ее легкомысленным шалостям. По ее любви к белевской пастиле. По тому, как она приглашает его в спальню чаще, чем имеет право. Вот и вчера вызывала его. А ведь меньше десяти дней прошло с их положенной встречи. Сажин картинно помассировал виски и изобразил головную боль, крепко зажмурив глаза, чтобы Паша не заметил его навернувшихся старческих слез.

Они сели за стол с накрахмаленной скатертью. Паша взял меню, а Сажин махнул мальчику и попросил оmlет.

– Вот в таких вот трактирах я, Паша, и заработал свои камни. – Сажин ткнул себя в ребра с правой стороны. Паша почтительно улыбался. – Дай угадаю, – не унимался Сажин, – холодец они обзовут галантином, а жидкий, как фантазия повара, бульон – консоме.

– Да! Есть и консоме, – подтвердил Паша и подумал: «До чего же желчный старик».

Сажин потрогал сухим, как веточка, пальцем оmlет, поданный ему под блестящим колпаком, и отодвинул тарелку. Он снова вспомнил, как накануне милый дружочек жевала гребешка, окруженного игрушечным валом из осетровой икры, возведенным по кайме розетки. Как появлялись на ее щечках ямочки, когда сжимались челюсти. Как выдавались желваки... Он любовался ею, не замечая, как отправлял в рот ложку за ложкой баварский картофельный суп с шампанским.

– Кофе! – крикнул Сажин на весь зал.

Паша икнул от неожиданности и извинился.

– Кофе, – повторил Сажин, но уже сдержаннее, – такой же горький, как ваша жизнь, Ида Игнатьевна.

Следователь обращался к главе города, которая сидела за соседним столом и изучала ненавистного ей чиновника. Она встала, сама отодвинула стул и села напротив Сажина, по правую руку от Паши. Сажин оглядел ее и жестом попрощался с секретарем.

– Слушаю вас, дорогая Ида Игнатьевна.

Его домыслы оправдались. Она оказалась почти такой, как он ее себе представлял. Она не была полной сейчас, но была прежде, причем недавно, о чем свидетельствовала глубокая складка на шее, проходившая под урезанным подбородком. В остальном, в особенности в похотливом нраве, он был уверен, что прав. То, что ее день начался с собственного Паши, было Сажину ясно, как то, что кофе, который ему несли, окажется кислым. Она нервничала, хоть и старалась казаться спокойной. Тяжелые брови сходились и наваливались на испуганные, как у маленького зверька, глаза.

– Ида Игнатьевна, я бы хотел завтра ознакомиться со строительством социального объекта.

Глава города Шуйска молчала. Молчала и ждала.

– Детский бассейн, ведь верно? Вы же и заложили первый камень? У нас беда в аппарате. – Сажин всплеснул руками и закачал головой. – Просто кошмар. Ошибка на ошибке. Вот у меня, – Сажин потянул к себе папку, оставленную на столе Пашей, – бумаги, что деньги городу поступили

и что строительство, опередив плановый темп, завершилось. И одновременно противоречивые показания, что не сделано ничего... А помощь тем временем истрачена. Видимо, недоразумение.

Ида Игнатъевна была ровесницей Сажина, но он казался ей мерзким стариком, живущим по инерции, ей назло. Почему, думала она, почему из бесчисленных Шуйских этой бесконечной страны волчок выбрал ее? Мало ли молилась? Да вот хотя бы взять соседа. Видел бы проклятый Сажин, сколько тот наворовал! У самого дети в Канаде, а город – что Помпеи. А у нее? У нее и прирост населения, и безработица в пределах нормы, и сыновья – не то что не за границей, даже не в Москве. Все здесь! В администрации. Город чистенький... Иде Игнатъевне было обидно как никогда, и пеняла она исключительно на судьбу-злодейку и на злой русский рок. Она положила свою теплую руку на костлявую кисть Сажина, и дело замерло посередине стола. Она все еще не произнесла ни слова. Сажин подмигнул ей в своей государственной манере, ласковой и строгой одновременно. Следовательно ценил в людях решительность и ум.

– Хорошо, – сказал он и отвел руку от папки. – Перед вами три задачи. Первая – построить детям бассейн. Точь-в-точь. – И он зачем-то постучал ногтем указательного пальца по блюдцу. – Вторая – вернуть всю! – Глаза Иды Игнатъевны выкатились, как у карпа, а рот распахнулся. – Всю! – повторил Сажин. – Всю сумму со мной в центр. А третья... Да не зевайте же вы так, Ида Игнатъевна! Третья – самая незначительная. Третья ваша задача – постараться достучаться до меня. Унять мою печаль, так сказать.

Он улыбнулся во весь рот, и Ида Игнатъевна, не оправившейся еще от потрясения, показался ящерицей с узким растянутым ртом. Ящерицей в сером костюме, с жидкими волосами, зачесанными на левую сторону.

– Мне у вас не нравится. И было бы хорошо проверить бассейн, помните первую задачу? Так вот, было бы хорошо, если бы приехал один только Паша. А то возьмусь сам, в следующий раз, и все одно что-нибудь еще найду. Непременно найду. Не сомневайтесь. Это ведь моя работа. На авось не пронесет, Ида Игнатъевна.

– Договорились. Пришлите человека, – чуть слышно пробормотала глава.

– Тогда до завтра, хорошая моя. – И Сажин неозначительно погладил ее ладонь, что было бы преступлением куда более страшным, чем ее растрата, будь она женщиной честной.

Следователь поднялся, поклонился и вышел.

На ужин в номер доставили две чашки телячьего бульона и белого хлеба. Хлеб Сажину не угодил. Дружочек на его звонок не ответила, и он, загрустив, надумал покурить. Дома он давно отказал себе в этой привычке – и пахнет скверно, и вредно, и дружочек бранится. Он высунулся в окно, убедился, что деревянные створки не деревянные, а пластмассовые. Таким же был и резной фартук под окном. Паша ответил на вызов Сажина до первого гудка и, казалось, в ту же секунду вырос перед следователем с сигаретами. Он понимающе поднес спичку и вышел. В ночь работал он, секретарь. К утру должны были быть готовы цифры. Две цифры. И следовало перепроверить все поступившие платежи на расчетный счет города Шуйска.

Воздух был ледяным, и Сажин торопился курить. Гостиница стояла на площади, плохо освещенной, в центре которой был неработающий фонтан со скамейками и урнами по кругу. С другой стороны, напротив отеля, кренился набок заколоченный кинотеатр «Экран». «Имени Любви Орловой», – напряг зрение Сажин. Он шелкнул окурком и запер рамы. Следовательно достал из чемодана пижаму, халат и шелковую маску для сна. Долго и бережно чистил зубы. Смазал лицо кремом, зачерпнутым из безмянной банки, повращал кулачками и лег спать поверх одеяла, предварительно покрыв его привезенной из дома простыней. Засыпая, он чувствовал, что как будто лежит на дне лодки и его несет, а голова идет кругом. За бортом бассейн, и в нем, как в ухе, кишат караси и карпы. Сажин заснул быстро, спал глубоко и был рад находиться во сне, а не в Шуйске.

Задолго до рассвета его разбудили. В дверь тихо постучали, затем провернули ключ и вошли.

– Яков Михайлович, – позвал женский голос.

Сажин присел, нащупал выключатель и со сна решил, что ему послышалось. Его не звали по отчеству уже больше десяти лет, и только, наверное, дружочек еще помнила, что он Михайлович. Перед кроватью на письменном столе стоял алебастровый бюст молодой еще Натальи Петровны. На плечах лежали гипсовые волосы, и маленькая божья коровка застыла на вычурной ключице.

– Ну надо же, – зевнул в кулак Сажин и собрался лечь обратно, как из темной прихожей в бледный свет ночника вышла женщина и повторила:

– Яков Михайлович. Простите. Я должна была вас увидеть.

– Как вы вошли? – спросил Сажин.

– Простите меня. Я работаю здесь, в гостинице. Яков Михайлович, вы не узнаете меня?

В напряженных обстоятельствах ум Сажина ускорялся по экспоненте. Это свойство не раз спасало ему жизнь и карьеру. Он узнал ее и даже успел разочароваться в судьбе, которая так грубо свела его с этой женщиной в шуйской гостинице, как положено только в цветистых рассказах. Ему живо представился бывший дом и старый быт, бесчисленные спальни, та сладкая эпоха женского послушания. Податливого дружочка он отправлял к своим родителям в Уездное на целое лето, сколько она ни капризничала. Дружочек была в положении, а семейный врач настаивал на воздухе, луговом ветерке и дарах грядки. Роскошь и широкую душу в те годы не прятали. Скорее наоборот. Положением и благосостоянием хвастали. У каждого сажинского соседа водилась прислуга, и помощник следователя завел себе кухарку, по наставлению все того же врача. У Сажина обнаружили первые признаки желчнокаменной болезни, и ужинать ему было предписано дома и строго до девяти. Будущая спальня дочери до осени стала людской, и поселилась в ней молодая южанка с грубой бронзовой кожей и выгоревшим пушком на руках. Сажин трусливо кружил, иногда отпуская шуточку-другую, а она отвечала на милом птичьим языке, на волжском наречии, с протяжным «о». От этих «о» и этого широкогортого смеха Сажин трепетал и чувствовал колющее счастье в животе. Терпение кончилось к середине лета. Было липкое июльское утро. Солнце било во все окна. Он шел в кухню, еще очень молодой и выпавшийся, а она терла губкой плиту, пела вслух и не слышала его. Он вдруг остановился и замер, как замирает в траве большая кошка. На внутреннем сгибе ее колена появились ровные, будто размеченные циркулем синяки. Еще вчера их не было. Четыре. Сажин понял, что смотрел на след чужих пальцев, чужой мужской руки. И ноющая тяга положить свою руку на чужое повалила стыд и совесть на лопатки. Сажин настоящий, старый и осторожный, похолодел, только что вспомнив то безвольное, песье влечение. Он посмотрел из-под лба на посетителя и перемотал память до финальной сцены, до расставания.

Осень в тот год началась в середине августа. Они с Сажиним под руку вышли из универсама, она была в новом пальто, они гуляли, как ей казалось, бесцельно. Он обнимал ее за плечи и что-то неторопливо рассказывал, и ей, девочке, думалось, что прохожие видят в них влюбленных. А у вестибюля станции «Кропоткинская» он вдруг поцеловал ее в щеку, потрепал по-отечески за волосы и без какого бы то ни было стеснения вложил

в руку конверт. На будущий день возвращалась дружочек. Высшей точкой того романа, того последнего совместного дня, вспомнилось Сажину, была одинокая дорога домой. Девочку безвозвратно утащило в метро. Ее слез простыл след. Их унесло по красной ветке. Он шел в счастливый пустой дом в обход, через бульвар, намеренно растягивая удовольствие молчаливой прогулки. Он шел размашисто, не огибая лужи, с самодовольной улыбкой, захватившей его остроносое лицо. Эта малая гадость, которую он только что в себе обнаружил, рвалась из него смехом. Больше таким бессовестным и легким он не чувствовал себя никогда.

– Вы правда не узнаете меня, Яков Михайлович? Я не поверила себе, когда услышала ваш голос. Вы крикнули: «Кофе», – и я остолбенела. Это же не просто так, что прислали именно вас.

Один только звук собственного отчества заставил Сажина изображать недоумение хлеще любого из его когда-либо допрошенных подследственных. Домогательство! Домработница! Адюльтер! Все статьи, по которым он сам так рьяно карал мужичье. Этих людоедов. Этих врагов Натальи Петровны. Этих подлых ретроградов. Цепных псов патриархата. Прихвостней похоти. Он смотрел во все глаза на свою бывшую прислугу и видел только часть вторую, пункт третий, и положение об обезоруживании агрессивного пола. И списки... Длинные, как свитки, списки, подписанные им самим.

– Меня и правда так звали, – ласково выговорил Сажин, – но откуда вам известно?

Он был настолько убедителен, что ночная гостья замешкалась и, списав его забывчивость на возраст и занятость, перешла к главному. К тому, чего так от нее хотел Сажин.

– Это я. Я писала в Москву. В прокуратуру, в Кремль, лично Наталье Петровне... Наша Ида, она только делает вид, что служит женскому роду. Вы понимаете? Я вам больше скажу, у меня есть свидетель. Она работает в ее доме. Мужчины ходят к ней в спальню ежедневно! И это они ее зовут. Сами! Понимаете вы?

Она взяла паузу – удостовериться, что следователь поражен, – и осталась довольна. Сажин учтиво пригласил ее сесть, а сам с заложенными за спину руками принялся ходить по комнате. Морщины, собравшиеся на лбу, и поднятые брови свидетельствовали об изумлении, а ритмичное кивание – о сочувствии.

– Я займусь. Я обязательно займусь. Раз такое дело...

Следователь бормотал достаточно громко, чтобы быть услышанным.

– Я бы никогда не донесла на вас, – выпалила она, и Сажин замер, повернутый к ней сгорбленной спиной.

– Вы хоть и обижали меня, но детей вы бы не обокрали. Вы не плохой. Я знаю. Знаю, что любите родину. Хоть и ошибались.

Сажин развернулся, не окончив путь до окна, и с середины комнаты в два исполинских шага очутился перед лицом свидетеля. Несколько страшных мгновений она была в замешательстве от его неожиданной близости.

– Люблю, – искренне прошептал он, – люблю. Вы только успокойтесь.

Он взял со стола бумагу, ручку и звучно поцеловал плечо бюста.

– Запишите! Запишите, пожалуйста, все. Это знак. Знак, что мы встретились, спустя целую жизнь.

Свидетель писала, ни на что не отвлекаясь, до первого света. А Сажин снова ходил, неожиданно часто курил и все лепетал о раскаянье, о знаках и неисповедимости.

Ночь принесла в Шуйск первые заморозки, что обнаружилось только днем. Сажин стоял под указателем «0. Рюминское» в то же самое время, что и вчера. Он то стучал мыском по замерзшей луже, то пружинил на посеребренной траве. Борщевик, до недавнего времени сгорбленный и бесцветный, стоял теперь гордым царевичем и своим телом, покрытым изморосью, отражал солнце во все стороны. Водитель крошил гостиничный хлеб для вчерашнего поползня. «Вдруг вернется», – надеялся Сажин.

Оледенелый грунт сообщил о второй машине издалека. «Как хорошо затихает мир в мороз», – думал следователь. Бок не болел. Голова не кружилась. Сажин чувствовал себя неожиданно неплохо после беспокойной ночи. Паша опустил окно и поднял сначала портфель. По напряженной шее секретаря и по тому, как дрожит его кисть, Сажин понял – тяжелый, и одобрительно кивнул. Секретарь опустил чемодан и поднял папку с делом. Из-под черной кожи проступала прямоугольная грыжа. Сажин еще раз кивнул, но сдержаннее, как англичанин.

– Передал? – спросил уполномоченный.

– Передал, – ответил Паша.

– И про прислугу в доме?

– И про прислугу.

– Когда вернешься с проверкой, Паша... Ну, скажем, в декабре, первым делом проверишь, что их нет. Ни той, ни этой. Проверишь стройку. И...

– И кладбище, – закончил за руководителем Паша.

Сажин помолчал и махнул рукой в сторону Москвы. Проводив машину взглядом, он извлек из кармана показания и поджег их. Он курил свою последнюю сигарету, так он себе пообещал только что, пока грехи Иды Игнатьевны прогорали в прах. Затем он расположился на заднем сиденье, откинул голову, прикрыл глаза и решил не думать в дороге ни о чем плохом, только о дружочке.

